

ПОДОЛЬСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

(ГОДЪ СОРОКЪ ВТОРОЙ).

Выходятъ еженедѣльно. — ❖ — ❖ — Цѣна 5 р. 30 к. въ годъ.

9 августа № 32. 1903 года.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

Распоряженія Епархіальнаго Начальства.

Перемѣны по службѣ.

— **Опредѣлены:** на священническое мѣсто въ с. Карповку Могилевского уѣзда, учитель церковно-приходской школы с. Петриманъ Ушицкаго уѣзда окончившій курсъ семинаріи *Лука Волинецкій*—26 іюля; на псаломщическія мѣста: въ с. Серебряю Могилевского уѣзда бывшій учитель церковно-приходской школы м. Рашкова Ольгопольскаго уѣзда *Константинъ Жуковскій*—29 іюля и въ с. Пеньковку-Мурафскую Ямпольскаго уѣзда, учитель пѣнія Литинскаго городского училища сынъ діакона *Евгеній Заславскій*—31—іюля.

— **Допущенъ** къ исправленію должности 2-го псаломщика въ Муховецко-Штылевскомъ приходѣ Брацлавскаго уѣзда послушникъ Каменецкаго Св.-Троицкаго монастыря *Михаилъ Дверницкій*—4 августа.

— **Перемѣщены:** согласно прошенію, священники—с. Щербаней Литинскаго уѣзда *Алексѣй Моралевичъ* въ с. Везденки Проскуровскаго уѣзда—30 іюля; с. Забужья Брацлавскаго уѣзда *Іосифъ Дороновичъ* на 1-е священническое мѣсто въ м. Озаринцы Могилевскаго уѣзда—1 августа; 2-й псаломщикъ Брацлавской соборной церкви *Григорій Гавристычъ* на псаломщическое мѣсто въ м. Терновку Гайсинскаго уѣзда—30 іюля; по распоряженію Епархіальнаго Начальства псаломщики—с. Пеньковки-Мурафской Ямпольскаго уѣзда *Проконій Бернацкій* въ с. Глядки Проскуровскаго уѣзда и м. Тернавки Гайсинскаго уѣзда *Сампсонъ Голубовичъ* въ м. Сатановъ къ Георгіевской церкви Проскуровскаго уѣзда—оба 30 іюля.

— **Оставленъ** согласно прошенію, въ с. Безносковцахъ Каменецкаго уѣзда священникъ *Владиміръ Яворскій*, переведенный 24 іюля въ м. Снитковъ Могилевскаго уѣзда—1 августа.

— **Умеръ** священникъ с. Маниловки Проскуровскаго уѣзда *Антоній Волостычъ*—27 іюля.

Отъ Подольскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

— По представленію Совѣта отъ 11 іюля, утвержденному Архипастырской резолюціей отъ 17 іюля, завѣдующій Винницкой церковно-учительской школой священникъ *Павелъ Погорилко* и смотритель Тывровскаго духовнаго училища священникъ *Даніилъ Горянскій* утверждены въ должности сверхштатныхъ членовъ Винницкаго Уѣднаго Отдѣленія сего Совѣта.

— По представленіямъ Совѣта отъ 11 сего іюля, утвержденнымъ резолюціямъ Епархіальнаго Преосвященнаго отъ 17 іюля, постоянный членъ Ольгопольскаго Уѣднаго Отдѣленія сего Совѣта, Ольгопольскій Натариусъ *М. О. Стрѣполокѣ* утвержденъ въ должности Казначея того же Отдѣленія, а священники с. Слободогорячковки Ольгопольскаго уѣзда *Іоаннъ Писнячевскій* и м. Каменки того же уѣзда *Іоаннъ Бутовичъ* утверждены первый въ

должности постоянного члена Ольгопольскаго Отдѣленія, а второй въ должности сверхштатнаго члена того же Отдѣленія съ назначеніемъ о. Бутовича завѣдующимъ Каменскимъ книжнымъ складомъ.

— По представленіямъ Совѣта отъ 11 и 16 іюля сего года, утвержденнымъ Архипастырскими резолюціями отъ 16 и 17 того же іюля, *графъ Теодоръ Александровичъ Лидерсъ-Веймаръ*, *графиня Марія Александровна Лидерсъ-Веймаръ* и крестьянинъ с. Лозоватой Балтскаго уѣзда *Гавріиль Гасица* утверждены въ званіи попечителей церковныхъ школъ, первый—церковно-приходской школы с. Марковецъ Летичевскаго уѣзда, вторая—школы грамоты с. Ивонинець того же уѣзда и третій—церковно-приходской школы с. Лозоватой.

— По представленію Совѣта отъ 11 сего іюля, утвержденному Архипастырскою резолюціею отъ 17 іюля, священникъ с. Рѣдкодубъ Проскуровскаго уѣзда *Климентъ Павлючиковъ* уволенъ отъ должности члена Проскуровскаго Уѣзднаго Отдѣленія сего Совѣта по разстроенному здоровью, согласно его о томъ прошенію.

Архіерейскія служенія.

5-го августа, праздникъ Преображенія Господа нашего Иисуса Христа. Всенощное бдѣніе и литургія были совершены Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Христофоромъ, Епископомъ Подольскимъ и Брацлавскимъ, въ Успенской церкви Архіерейскаго Дома. Сослужащими на всенощной были: Каѳедральный протоіерей Никола Бунинъ, ключарь протоіерей Евфимій Сѣцинскій, священники Александръ Копержинскій и Григорій Кондрацкій и іеромонахи Евфросинъ и Нектарій; на литургіи сослужащими были тѣже кромѣ священника Копержинскаго, вмѣсто коего былъ протоіерей Василій Павлиновъ. Рукоположенъ во діакона окончившій курсъ Подольской духовной семинаріи Лука Волинецкій, опредѣленный на священническое мѣсто въ с. Карповку Могилевскаго уѣзда.

Вакантныя мѣста:

а) Священническія.

- 1) Въ с. *Штылевкѣ* съ *Муховцами* Брацлавскаго уѣзда (перваго), съ 1 ноября 1902 года.
- 2) Въ с. *Муховцахъ* со *Штылевкою* (втораго) Брацлавскаго уѣзда, съ 28 января.
- 3) Въ с. *Десеровкѣ* Литинскаго уѣзда, съ 27 февраля.
- 4) Въ с. *Цвижинѣ* Винницкаго уѣзда, съ 15 марта.
- 5) Въ с. *Куражинѣ* Ушицкаго уѣзда, съ 19 апрѣля.
- 6) Въ с. *Вытягайловкѣ* Брацлавскаго уѣзда, съ 20 апрѣля.
- 7) Въ с. *Низшей-Томашовкѣ* Проскуровскаго у., съ 17 іюня.
- 8) Въ с. *Новомъ-Селѣ* Проскуровскаго уѣзда, съ 19 іюня.
- 9) Въ с. *Балакирахъ* Каменецкаго уѣзда, съ 19 іюня.
- 10) При церкви *Каменецкихъ Богоугодныхъ заведеній*, съ 18 іюня.
- 11) Въ с. *Камянкахъ* Гайсинскаго уѣзда, съ 3 іюля.
- 12) Въ с. *Карповцахъ* Проскуровскаго уѣзда, съ 10 іюля.
- 13) При *Покровской церкви. с. Копытырина* Ямпольскаго уѣзда, съ 9 іюля.
- 14) Въ с. *Стефановкѣ* Каменецкаго уѣзда, съ 14 іюля.
- 15) Въ с. *Сказинцахъ* Проскуровскаго уѣзда, съ 18 іюля.
- 16) Въ с. *Захарьяшевкѣ* Брацлавскаго уѣзда, съ 18 іюля.
- 17) Въ с. *Щедровой* Летичевскаго уѣзда, 27 іюля.
- 18) Въ с. *Подфилипѣ* Каменецкаго уѣзда, 26 іюля.
- 19) Въ с. *Голосковѣ* Каменецкаго уѣзда, 21 іюля.
- 20) Въ с. *Щербаняхъ* Литинскаго уѣзда, съ 30 іюля.
- 21) Въ с. *Забужьѣ* Брацлавскаго уѣзда, съ 1 августя.
- 22) Въ с. *Маниловкѣ* Проскуровскаго уѣзда, съ 27 іюля.

б) Псаломщическія.

- 1) Въ с. *Лозовой* Балтскаго уѣзда (перваго псаломщика), съ 19 мая.
- 2) Въ с. *Кадіевкѣ* Проскуровскаго уѣзда, съ 30 іюня.

- 3) При *Покровской церкви* г. Каменца (Русскіе Фольварки), съ 7 іюля.
- 4) Въ с. *Скотынянахъ* Каменецкаго уѣзда, съ 10 іюля.
- 5) Въ с. *Сильницѣ* Брацлавскаго уѣзда, съ 10 іюля.
- 6) Въ с. *Чаусовой-Забугской* Балтскаго уѣзда, съ 10 іюля.
- 7) Въ с. *Вербкѣ* Каменецкаго уѣзда, 25 іюля.
- 8) Въ с. *Росошѣ* Гайсинскаго уѣзда, 7 іюля.
- 9) Въ с. *Новой-Снявѣ* Литинскаго уѣзда, 2 іюля.
- 10) При *Брацлавской соборной церкви* (второга псаломщика), съ 30 іюля.

Примѣчаніе. Свѣдѣнія о количествѣ земли, населеніи и причт. постр. помѣщены въ „Справочной книжкѣ на 1903 г.“

ПРИЕМЪ ВОСПИТАННИКОВЪ

ВЪ КІЕВСКУЮ ДУХОВНУЮ АКАДЕМІЮ.

Отъ Совѣта Кіевской Духовной Академіи объявляется, что съ 16 августа сего 1903 года въ Кіевской Духовной Академіи, для образованія новаго курса въ ней, имѣетъ быть приемъ воспитанниковъ, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Въ студенты Академіи принимаются лица всѣхъ состояній православнаго исповѣданія, съ *полнымъ успѣхомъ* окончившіе курсъ духовной семинаріи.

Примѣчаніе. Окончившіе курсъ ученія въ классическихъ гимназіяхъ и соотвѣтствующихъ имъ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, для допущенія къ приемному въ духовныя академіи экзамену, представляютъ свидѣтельства объ успѣшномъ выдержаніи ими испытаній при духовныхъ семинаріяхъ по всѣмъ богословскимъ предметамъ семинарскаго курса ученія.

2) Женатыя лица въ число студентовъ Академіи не принимаются.

3) Просьбы о приѣмѣ въ студенты Академіи подаются волонтерами лично или *присылаются по почтѣ* на имя ректора Академіи до *6-го августа*.

4) Къ прошенію о приѣмѣ въ студенты должны быть приложены слѣдующіе документы: а) семинарскій аттестатъ; б) метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи, выданное духовной консисторіей; в) свидѣтельство о явѣ къ исполненію воинской повинности или свидѣтельство о припискѣ къ призывному участку по отбыванію сей повинности; г) документъ о состояніи, къ которому принадлежит проситель по своему званію, если онъ не духовнаго происхожденія. Лица податного сословія обязаны сверхъ того представить свидѣтельства объ увольненіи ихъ обществами на законномъ основаніи.

Примѣчаніе. Семинарскія Правленія также до *6-го августа* высылаютъ всѣ вышеозначенные документы назначенныхъ ими въ Академію воспитанниковъ, которые обязаны сами явиться въ одну къ *14 августа (но не ранѣе 12-го)*.

5) Желаящіе поступить въ число студентовъ Академіи должны имѣть въ аттестатахъ по поведенію баллъ 5.

6) Поступающіе въ Академію по прошествіи одного или нѣсколькихъ годовъ по выходѣ изъ учебнаго заведенія должны представить свидѣтельство о благонадежности отъ того начальства, въ вѣдѣніи котораго состояли.

7) Всѣ воспитанники, какъ присланные въ Академію по распоряженію начальства, такъ и поступающіе по собственному желанію, подвергаются предварительно медицинскому освидѣтельству состоянія ихъ здоровья, а затѣмъ повѣрочному испытанію въ особяхъ, назначаемыхъ для этого Совѣтомъ, комиссіяхъ и принимаются въ студенты лишь въ случаѣ удовлетворительности состоянія ихъ здоровья и по усѣшномъ выдержаніи въ Академіи повѣрочнаго испытанія.

8) Повѣрочныя пріемныя испытанія будутъ произведены: по священному писанію ветхаго и новаго завѣта, догматическому богословію, церковной исторіи общей и русской и одному изъ древнихъ языковъ (по выбору экзаменующихся); кромѣ того, подвергающіеся испытанію должны написать на заданныя темы сочиненія по нравственному богословію, по одному изъ философскихъ предметовъ и поученіе.

9) Испытаніе *всѣхъ* явившихся будетъ производимо *по программамъ семинарскаго преподаванія въ полномъ ихъ объемѣ.*

10) Изъ числа подвергавшихся повѣрочному испытанію, какъ по назначенію семинарскихъ начальствъ, такъ и по прошеніямъ, выдержавшіе оное удовлетворительно принимаются: лучшіе—на казенное содержаніе и стипендіи, а остальные—своекоштными.

11) Свободныхъ вакансій казеннокоштныхъ для I курса, согласно штату, имѣется 30, изъ которыхъ на 25 вакансій вызываются семинарскіе воспитанники по назначенію начальства, а 5 вакансій предназначены для тѣхъ волонтеровъ, которые болѣе удовлетворительно сдадутъ повѣрочный экзамень. Свободныхъ стипендій для I курса имѣется въ виду не менѣе 5. Число своекоштныхъ студентовъ опредѣляется вмѣстительностью академическихъ зданій.

12) Своекоштные студенты за свое содержаніе въ Академіи вносятъ 210 руб. въ годъ, или по 105 р. въ сентябрѣ и январѣ за каждое полугодіе; не удовлетворившіе этому требованію въ теченіе мѣсяца увольняются изъ Академіи.

13) Внѣ зданій Академіи своекоштнымъ студентамъ дозволяется жить только у родителей, имѣющихъ *постоянное*, а не случайное или кратковременное жительство въ Кіевѣ.

Отъ Правленія Подольской духовной семинаріи.

Правленіе Подольской духовной семинаріи симъ доводитъ до свѣденія родителей, имѣющихъ дѣтей въ семинаріи, что согласно журнальному постановленію Хозяйственной Комиссіи при общежитіи своекоштныхъ воспитанниковъ семинаріи отъ 21 іюля сего года, утвержденному Его Преосвященствомъ 30 того-же іюля, за № 4791, съ наступающаго 1903—1904 учебнаго года плата за содержаніе въ общежитіи своекоштныхъ воспитанниковъ при семинаріи назначается въ 115 руб. въ годъ съ пансіонера; воспитанники, вновь поступающіе въ общежитіе, вносятъ, сверхъ того, единовременно 15 руб. на первоначальное обзаведеніе постельными принадлежностями.

Плата за содержаніе въ общежитіи взимается по третямъ года, впередъ въ сроки: 1 сентября—50 руб.; 7 января—35 руб. и послѣ пасхальныхъ каникулъ—30 рублей.

Содержаніе: *Распоряженія Епархіальнаго Начальства:* Перемѣны по службѣ.—Отъ Подольскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.—Архіерейскія служенія.—Вакантныя мѣста.—Объявленія.

Редакторъ официальной части Секретарь Подольской
Духовной Консисторіи **Иванъ Савичъ.**

Цензоръ протоіерей **Илія Лебедевъ.**

ПОДОЛЬСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВЪ ДОМОСТИ

9 августа № 32. 1903 года.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

Пятая заповѣдь Церковная.

Пятая заповѣдь Церковная предписываетъ, „чтобы неопытные въ познаніи Священнаго Писанія и наукъ не читали книгъ, написанныхъ еретиками, не слушали богохульнаго ихъ ученія, не вступали въ разговоръ и не имѣли общенія съ ними, по слову Пророка Псалмопѣвца: *блаженъ мужъ, иже не иде на советъ нечестивыхъ и на пути грѣшныхъ не ста*“ (Псал. 1, 1) *).

Эту заповѣдь особенно слѣдуетъ помнить въ наше время. Газета и книга теперь получили самое широкое распространеніе; изъ сравнительно тѣснаго круга образованнаго общества онѣ проникли въ полуобразованную и даже необразованную массу, къ людямъ, дѣйствительно „неопытнымъ въ познаніи Священнаго Писанія и наукъ“.

Такому усцѣху печатнаго слова можно было-бы только радоваться, если-бы оно просвѣщало темный народъ здоровымъ ученіемъ, вполне согласнымъ съ основами вѣры христіанской и порядка государственнаго. Къ сожалѣнію, господствующее направленіе современной литературы таково, что она только отвращаетъ неопытныхъ читателей отъ истины и поселяетъ въ ихъ умахъ духъ сомнѣнія и недовольства. Въ беллетристикѣ теперь вошли въ моду типы людей, пренебрежительно осмѣивающихъ весь

---

*) Православное исповѣданіе каволической и апостольской Церкви Восточной. Часть первая, отвѣтъ на вопросъ 91.

строй общественной жизни и мечтающих о разрушеніи этого строя. Таковы „босьяки“ Максима Горькаго, самаго популярнаго изъ современныхъ писателей. Впрочемъ, у этого писателя еще чувствуется сердечная скорбь за все то зло и невѣжество, которое онъ изображаетъ, и читатель иногда можетъ отдохнуть на какомъ либо трогательномъ моментѣ. Но другіе писатели, слѣдя за законамъ т. н. *реалистическаго* направленія, изображаютъ въ своихъ произведеніяхъ исключительно различныя темныя стороны дѣйствительности — картины порока, преступленій, изощряются въ попыткахъ обнажить всю грязь человѣческой природы, извращенной современной культурой. И ни одного свѣтлаго луча вѣры въ лучшій, идеальный міръ не мелькаетъ во всѣхъ этихъ безчисленныхъ *реальныхъ* романахъ и разсказахъ, которыми жадно зачитывается современный читатель. „Человѣкъ-звѣрь“, „Въ туманѣ“, „Бездна“, „Безъ дороги“, „Въ сумеркахъ“ — уже одни заглавія эти краснорѣчиво говорятъ о тѣхъ мотивахъ, которые звучатъ въ современной литературѣ. *)

Періодическая печать — журналы и газеты — вліяетъ на читателей въ такомъ-же направленіи. За немногими исключеніями, вопросы вѣры и жизни Церкви въ этой печати или совсѣмъ не затрогиваются, или рѣшаются и обсуждаются съ явной или тайной цѣлью подорвать у читателей довѣріе къ тому или другому христіанскому вѣрованію или дѣйствию Церкви Православной. За доказательствами ходить недалеко: достаточно представить сужденія печати о свободѣ совѣсти, о Толстомъ, о разныхъ другихъ еретикахъ и сектантахъ, о православномъ духовенствѣ, о церковно-приходскихъ школахъ и т. д., чтобы убѣдиться, какъ много яда можетъ современная газета влить въ душу „неопытнаго“ читателя.

*) Умерщвлять душу, — пишетъ извѣстная англійская писательница М. Корелли, — нынче стало любимымъ занятіемъ т. н. передовыхъ людей: распространяя свое пагубное вліяніе путемъ печати, они считаютъ цѣль свою достигнутою, когда читатель, погрязшій въ омутѣ пессимизма, въ безконечной благости перестаетъ видѣть Бога и видитъ лишь одно зло безконечное“. Недавно въ газетахъ появился подобный-же „протестъ“ графини С. А. Толстой противъ произведеній Л. Андреева.

Въ самое послѣднее время особенно умножилась т. н. научно-популярная литература, предназначенная для самообразованія. Издаются вновь популярныя книжки по различнымъ научнымъ отраслямъ, преимущественно-же по естествознанію и политико-экономическимъ вопросамъ, переиздаются прежде вышедшія изданія Бокля, Дарвина, Тэйлора, Дрэпера и т. п., появляются всевозможныя программы для чтенія, „Семейные университеты“, спеціальныя журналы для самообразованія, словомъ, теперь каждый, сидя дома, можетъ изучить, или точнѣе, мечтать объ изученіи чуть-ли не всѣхъ наукъ, нынѣ существующихъ. Но къ какимъ результатамъ приведетъ это изученіе? Достаточно бѣлаго просмотра этой популярной литературы, чтобы убѣдиться въ ея вполне антирелигіозномъ характерѣ.

А сколько въ нашемъ обществѣ обращается различныхъ „запрещенныхъ“ сочиненій Толстого, въ которыхъ каждая буква протестуетъ противъ Церкви и государства! Эти сочиненія попадаютъ и въ руки юношества, и въ необразованную рабочую среду,—и вездѣ жадно читаются, уже по одному тому, что „запрещенный плодъ—сладокъ“.

Нѣтъ недостатка въ настоящее время и въ различныхъ самозванныхъ учителяхъ, которые смущаютъ легковѣрную толпу и неопытную юность своими превратными толкованіями основъ вѣры и общественной жизни. Ихъ ученіе охотно слушаютъ, потому что они „льстятъ слуху“ (2 Тим. 4, 3), каждому обѣщая полное осуществленіе его желаній и стремленій.

Понятно, что отъ вліянія такой литературы и такихъ учителей нужно предостерегать прежде всего воспитываемое поколѣніе. Сколько бывало и бываетъ случаевъ, когда юноши, выросшіе въ самой благочестивой семьѣ, подъ вліяніемъ потайного чтенія книгъ антирелигіознаго содержанія превращались въ ярыхъ отрицателей всего святого,—сколько молодежи гибло и гибнетъ, увлекаясь различными социалистическими и революціонными идеями! Нуждается въ предостереженія и простой народъ, потому что и среди него теперь сѣютъ смуту не только „еретики“, различные сектанты, но и агитаторы социализма, не стѣсняющіеся никакими

средствами для увлеченія крестьянъ и рабочихъ на путь недовольства и насилій.

Кто-же долженъ напомнить и укрѣпить въ сознаниі всѣхъ соблазняемыхъ пятую заповѣдь церковную, имѣющую въ виду именно предостереженіе вѣрующихъ отъ чтенія и слушанія „богохульнаго ученія?“ Конечно тотъ, кому Церковью ввѣрено великое дѣло душеспасенія—пастырь Церкви. Онъ дѣйствуетъ и въ школѣ, среди юношества, какъ законоучитель, и въ средѣ крестьянской, и въ поселеніяхъ фабричныхъ. На его попеченіи находится каждый православный христіанинъ отъ рожденія до смерти; его молитвами сопровождается всякій сколько-нибудь важный случай въ жизни прихожанъ. Онъ выводитъ на пажити своихъ овецъ, и они за нимъ охотно идутъ, чтобы найти пищу своей душѣ, алчущей и жаждущей правды. Волкъ прокрадывается въ стадо, уже имѣющее пастыря, но почему-либо охраняемое послѣднимъ безъ надлежащей бдительности. Если же пастырь зорко слѣдитъ за всѣми опасностями, угрожающими его стаду, если онъ принимаетъ всѣ мѣры, находящіяся въ его распоряженіи, для охраны своего стада, то волкъ, какую бы личину онъ ни принималъ, всегда уйдетъ посрамленнымъ. А одною изъ такихъ мѣръ и является соблюденіе пасомыми, по внушенію своего пастыря, пятой заповѣди церковной.

Но, конечно, для того, чтобы это внушеніе было дѣйствительнымъ со стороны пастыря, требуются нѣкоторыя условія. Добраго пастыря овцы слушаютъ потому, что *знаютъ голосъ его*, и онъ, съ своей стороны, знаетъ каждую овцу *по имени* (Іоан. 10, 4). Что это значитъ? То, что между добрымъ пастыремъ и его паствою существуютъ взаимная близость и довѣріе, располагающія пасомыхъ слѣдовать всѣмъ совѣтамъ своего духовнаго отца. Эта близость не легко достигается; самоотверженная любовь къ пасомымъ, неуклонное исполненіе пастырскихъ обязанностей, примѣрная жизнь, безкорыстіе,—вотъ главнѣйшія средства, при помощи которыхъ пастырь можетъ привлечь къ себѣ сердца и умы своихъ овецъ духовныхъ. Но разъ такая близость установилась, тогда никакія *врата адавы* не поколеблютъ ее и не отторгнутъ

паству отъ пастыря. Духовное вліяніе пастыря можетъ быть тогда почти безгранично, средства пастырскаго воздѣйствія—совѣтъ, обличеніе, запрещеніе и т. п.—получаютъ такую силу, какой не имѣтъ и не можетъ имѣтъ ни одинъ законъ свѣтской власти. Въ самомъ дѣлѣ, бывали-ли случаи, чтобы по предписанію властей человѣкъ измѣнялъ весь свой душевный строй, изъ порочнаго становился добродѣтельнымъ, изъ грѣшника праведникомъ? Конечно нѣтъ. А пастырь добрый можетъ совершить это однимъ словомъ своимъ, не прибѣгая ни къ какому внѣшнему воздѣйствію *). Сколько, напр., людей, огрубѣвшихъ и ожесточившихся въ житейской борьбѣ уходятъ съ просвѣтленною душою послѣ бесѣды съ Кронштадскимъ пастыремъ! И съ какими только запросами и нуждами не обращаются къ нему, чтобы неуклонно послѣдовать его совѣту! Но мы взяли выдающійся примѣръ, исключительный,—однако, не преувеличимъ, если скажемъ, что подобнымъ вліяніемъ, хотя и въ меньшей, конечно, степени, обладаютъ и многіе другіе пастыри—и въ городахъ, и въ глухихъ селахъ. Есть законоучители, которые глубоко почитаются всѣми своими учениками, каждое слово которыхъ принимается къ сердцу,—есть и приходскіе пастыри, къ которымъ каждый прихожанинъ идетъ съ своими горестями и сомнѣніями за утѣшеніемъ и совѣтомъ. И если такой пастырь скажетъ дѣтямъ-школьникамъ: „дѣти! Церковь-мать ваша запрещаетъ вамъ читать книги, не одобренныя вашими воспитателями; вы должны слушаться этого запрещенія, потому что Церковь приняла васъ въ свое любвеобильное лоно еще въ то время, когда вы были несмысленными младенцами и съ той поры, какъ самая заботливая мать, непрестанно печется о вашемъ духовномъ благѣ“,—если пастырь скажетъ такъ и разъяснить дѣтямъ подробно, въ чемъ именно выражаются материнскія заботы о нихъ Церкви и какую великую неблагодарностью будетъ съ ихъ стороны ослушаніе ея запо-

*) Мы разумѣемъ здѣсь, конечно, воздѣйствіе пастырскаго слова по душу человѣка, уже *возрожденнаго* прежде чрезъ таинства, но затѣмъ падшаго подъ вліяніемъ различныхъ искушеній. Для возрожденія же *естественнаго* человѣка пастырскаго слова, разумѣется, не достаточно.

вѣдѣй, — то несомнѣнно, что голосъ уважаемаго пастыря дойдетъ до впечатлительной дѣтской души и, можетъ быть, не одного юношу удержитъ въ послѣдствіи отъ чтенія книгъ, содержащихъ въ себѣ „богохульное ученіе“ и отъ общенія съ людьми-кощунниками. Положимъ, ученику современной школы трудно совершенно уклониться отъ разговоровъ съ такими людьми, потому что эти разговоры нынѣ слышатся вездѣ; но пастырь-законоучитель можетъ достигнуть своей цѣли и тогда, если ученики именно къ нему прежде всего будутъ обращаться за разъясненіемъ недоумѣній и сомнѣній, вызванныхъ этими разговорами. Въ годы юности бываютъ своего рода критическія эпохи, когда въ душѣ юноши начинается мучительный разладъ, вызываемый религіозными сомнѣніями и колебаніями. Вѣрованія дѣтства, уроки Закона Божія зовутъ его къ Богу, въ лоно Церкви, а разныя книги „для самообразованія“, разговоры товарищей—„развивателей“ влекутъ его въ противоположную сторону. Куда идти? Чего держаться? Во что вѣрить и во что не вѣрить?—на подобные вопросы юноша жадно, мучительно ищетъ отвѣта у всѣхъ, къ кому онъ привыкъ относиться съ уваженіемъ. И если въ числѣ этихъ лицъ на первомъ мѣстѣ стоитъ законоучитель, то юношескія сомнѣнія и колебанія вѣроятнѣе всего могутъ разрѣшиться въ твердую и сознательную рѣшимость оставаться со Христомъ и съ Церковью.

Взрослые члены Церкви, „неопытные въ познаніи Священнаго Писанія и наукъ“, также могутъ охотно повиноваться авторитетному въ ихъ глазахъ пастырю, напоминающему имъ о соблюденіи пятой заповѣди Церковной. „Кому Церковь не мать, тому Богъ не отецъ“,—вотъ то убѣжденіе, которое пастырь долженъ внѣдрить въ сознаніе своихъ пасомыхъ всѣми, находящимися въ его распоряженіи, средствами,—преимущественно-же, конечно, словомъ—и въ церковныхъ, и въ домашнихъ бесѣдахъ. И, слава Богу, духовенство въ большинствѣ случаевъ съ успѣхомъ выполняетъ эту задачу, какъ видно изъ того противодѣйствія, которое во многихъ мѣстахъ встрѣчаютъ различныя ересеучители со стороны прихожанъ, съ довѣріемъ относящихся къ своему пастырю, какъ представителю истинной Церкви Христовой. Если же

гдѣ и встрѣчаются печальныя случаи, когда прихожане охотнѣе вѣрятъ разнымъ „проходимцамъ“, чѣмъ своему пастырю, то подобныя явленія никоимъ образомъ нельзя обобщать и на основаніи ихъ обвинять духовенство въ „косности“, какъ это часто дѣлается теперь нѣкоторыми представителями интеллигенціи, желающими доказать, что народъ нашъ не вѣритъ своему духовенству. Пастыри-наемники всегда возможны, потому что и пастыри Церкви, какъ и всѣ вообще люди, не въ состояніи иногда бывать побороть свои слабости и устоять на должной высотѣ. Но, конечно, желательно—и особенно теперь,—чтобы такихъ печальныхъ явленій было меньше, потому что теперь нашъ народъ обуреваемъ со многихъ сторонъ разными зловредными дуновеніями, и пастырямъ теперь нужно быть особенно бдительными.

Противъ пятой заповѣди современные интеллигенты могутъ выставить не мало возраженій. Самое обычное изъ этихъ возраженій то, что она нарушаетъ будто-бы свободу человѣческой личности, которую нужно уважать и въ юношѣ, и въ простомъ, необразованномъ человѣкѣ. Но какой же благоразумный воспитатель предоставляетъ своимъ питомцамъ полную свободу во всемъ, что они дѣлаютъ? Задача воспитанія состоитъ въ томъ, чтобы вести юношу по опредѣленному направленію, къ извѣстной цѣли, устраняя по возможности всѣ вліянія, могущія отклонить воспитываемаго на ложный путь. Только человѣкъ съ болѣе или менѣе окрѣпшими взглядами и убѣжденіями можетъ безъ риска за свою душевную цѣлость знакомиться съ теоріями, отрицательно относящимися къ его личному міровозрѣнію. Свобода личности создается лишь путемъ долгаго и сознательнаго труда надъ выработкою въ себѣ твердыхъ основъ—теоретическихъ и нравственныхъ и критической способности къ разумной оцѣнкѣ разныхъ жизненныхъ явленій. Но можетъ-ли назваться свободнымъ тотъ человѣкъ, къ которому можно примѣнить слова поэта: „что ему книжка послѣдняя скажетъ, то въ душу его сверху и ляжетъ?“ А таковы именно читатели юные и малообразованные. Оставить ихъ безъ руководства и предостереженія—это значило-бы дать имъ въ руки орудіе, которое можетъ быть полезно лишь у опытнаго

человѣка, а у неопытнаго причинить вредъ и ему самому, и другимъ,

Поэтому, пастыри Церкви не должны смущаться возраженіями противъ примѣненія пятой заповѣди и изъ-за призрака мнимой свободы равнодушно смотрѣть на то, какъ ихъ пасомые увлекаются разными антирелигіозными и антигосударственными ученіями.

(Орл. Е. Вѣд.)

Изъ записокъ бывшаго преподавателя семинаріи.

(По поводу предоставленнаго новымъ закономъ помощникамъ инспекторовъ въ семинаріяхъ права преподаванія уроковъ).

Великая, свѣтлая и бодрящая духъ минута бываетъ въ жизни человѣка, когда онъ видитъ осуществленіе, проведеніе въ объективный порядокъ вещей, лишь когда-то субъективно высказывавшихся имъ воззрѣній. Въ такую минуту невольно срываются съ языка слова: Господи, благодарю Тя, яко не посрамилъ мя еси отъ чаянія моего!

Въ № 29 Церк. Вѣд. за текущій годъ опубликовано Высочайшее повелѣніе „о возвышеніи служебныхъ правъ и преимуществъ помощниковъ инспекторовъ духовныхъ семинарій“. Этотъ законодательный актъ, достойный ознаменовать собою начало XX вѣка для духовныхъ семинарій, по своимъ жизненно-практическимъ послѣдствіямъ, къ которымъ онъ несомнѣнно приведетъ, какъ актъ глубокаго пониманія научно-теоретическихъ принципіальныхъ основъ воспитанія и обученія въ ихъ взаимоотношеніи, способенъ положить собою грань между духовною семинаріею XIX вѣка и ею же въ вѣкѣ XX. Такое значеніе этого законодательнаго акта видится въ немъ какъ во всемъ его объемѣ, такъ въ особенности въ той части послѣдняго, по которой предоставлено помощникамъ инспекторовъ изъ лицъ, имѣющихъ степень магистра, или кандидата духовныхъ академій, право преподавать въ семинаріяхъ же уроки по тѣмъ предметамъ, которые соотвѣтствуютъ ихъ спеціальному образованію. Этого права названныя лица

воспитательнаго института въ семинаріяхъ нашихъ были лишены и по уставу послѣднихъ 1867 года, и по уставу нынѣ дѣйствующему 1884 г., и это лишеніе не имѣло для себя рѣшительно никакихъ твердыхъ основаній въ самомъ существѣ дѣла, не говоря уже о нѣкоторомъ пониженномъ положеніи помощниковъ инспекторовъ въ семинарскихъ корпораціяхъ изъ лицъ имъ равныхъ по образованію и служебной дѣятельности въ области воспитанія, а индѣ и уступающихъ имъ въ томъ и другомъ отношеніи.

Въ самомъ дѣлѣ, каковымъ человѣкомъ долженъ быть воспитатель, чтобы въ своей личности явить образецъ того могущества, какое усвоается силѣ воспитанія и какимъ онъ необходимо долженъ обладать какъ истинный, *in re, sed non ex officio* только,— воспитатель, т. е., какъ концентрирующій въ себѣ все факторы воспитанія и приводящій ихъ, такъ сказать, къ одному знаменателю? Для уясненія отвѣта на этотъ вопросъ, очевидно, нужно прежде всего знать, какой человѣкъ *вообще* можетъ быть воспитателемъ. Нерѣдко говорятъ, что воспитаніе есть преднамѣренное и сознательное вліяніе людей взрослыхъ на несовершеннолѣтнихъ съ опредѣленною цѣлію, или, что то-же, воспитаніемъ называется все то, что для насъ сдѣлано отцами и дѣдами и что мы, въ свою очередь, дѣлаемъ для нашихъ дѣтей и внуковъ съ опредѣленною цѣлію усовершенствованія. Въ томъ и другомъ выраженіи общаго здраваго смысла звучитъ одна весьма вѣрная нота, характеризующая въ общемъ личность воспитателя: тамъ и здѣсь подъ воспитателемъ мыслится человѣческая личность *зрѣлаго возраста* и, какъ такая, она противопоставляется незрѣлой личности воспитанника. Видя въ этомъ именно выраженіе взгляда общаго здраваго смысла на воспитателя и его дѣятельность, мы смѣло беремъ себѣ эту общую точку зрѣнія на личность воспитателя и утверждаемъ, что воспитатель есть человѣкъ прежде всего зрѣлаго возраста. А этотъ возрастъ тѣмъ и отличается отъ отрочества и юности, что убѣжденія, характеръ и такое или иное направленіе дѣятельности человѣка въ этомъ возрастѣ носятъ на себѣ печать опредѣленности и законченности,—что и въ какой степени и мѣрѣ *созрѣло* въ этомъ возрастѣ у человѣка, то и остается

неотъемлемымъ его, хорошимъ или дурнымъ, достояніемъ на всю послѣдующую жизнь. Правда, путемъ самовоспитанія можно и созрѣвшему человѣку отчасти измѣнить свои интеллектуальныя, нравственныя и эстетическія особенности, склонности и качества, но только *отчасти*, а не совершенно, потому что если воспитаніе не въ состояніи искоренить своеобразной опредѣленности индивидуума, то тѣмъ болѣе этой опредѣленности индивидуальной, усиленной еще послѣдующимъ воспитаніемъ, не можетъ измѣнить самовоспитаніе; слѣдовательно, это послѣднее не можетъ служить въ качествѣ отрицательной инстанціи противъ того понятія о воспитателѣ, по которому онъ есть прежде всего личность сложившаяся, созрѣвшая, по крайней мѣрѣ, до нѣкоторой степени—въ своихъ умственныхъ и нравственныхъ качествахъ. И нужно замѣтить, что этотъ взглядъ на воспитателя предносится въ темномъ обликѣ и уму самихъ воспитанниковъ. Всякую шаткость и неопредѣленность умственныхъ и нравственныхъ принциповъ въ своемъ воспитателѣ, всякую неустойчивость въ его сужденіяхъ и поступкахъ они считаютъ недостаткомъ въ немъ. И это на томъ основаніи, что они инстинктивно видятъ въ своемъ воспитателѣ прежде всего мужа совершенна, достигшаго мѣры возраста исполненія человѣческаго, а потому недостатокъ этой полноты понимаютъ какъ знакъ незрѣлости самого воспитателя и его авторитетъ въ ихъ глазахъ падаетъ: они блазнятся такимъ воспитателемъ, считая его недозрѣвшимъ для того, чтобы руководить и управлять другими. Итакъ, мы естественно приводимся къ тому общему понятію о воспитателѣ, что онъ есть человѣкъ съ опредѣленными и устойчивыми умственными и нравственными принципами, которыхъ держится и которыми управляется въ той своей дѣятельности, гдѣ онъ хотя не одинъ участвуетъ (есть и другіе факторы воспитанія—природа и среда), но является специально посвятившимъ себя этому великому дѣлу.

Но съ этой точки зрѣнія нынѣ, при настоящихъ условіяхъ назначенія на должности въ семинаріяхъ преподавателей и помощниковъ инспекторовъ изъ лицъ академическаго образованія, съ учеными степенями магистровъ и кандидатовъ, между ними

нѣтъ никакого различія,—да еслибы оно и было, то едвали принимается и можетъ быть принимаемо въ соображеніе при ихъ назначеніи, конечно, съ фактической, въ послѣднемъ отношеніи, стороны дѣла, а не съ правомѣрной. При нѣкоторомъ различіи дѣятельностей воспитанія и обученія-преподаванія такое соображеніе большей пригодности даннаго лица для одной изъ нихъ, чѣмъ для другой, было бы весьма желательнымъ; но такое соображеніе выходило бы изъ распознанія опытнаго сюда относящагося матеріала, котораго при назначеніи на сказанныя должности подъ руками никогда не имѣется, ибо его не дано. А разъ нѣтъ никакого различія между лицами при назначеніи изъ нихъ „преподавателей“ и „помощниковъ инспекторовъ“ въ духовныя семинаріи, то, коль скоро одни признаются способными и имѣющими право преподавать въ нихъ, eo ipso уничтожается всякое основаніе къ лишенію этого права другихъ. Тѣ и другіе, предполагается, одинаково созрѣли въ вертоградѣ богословской науки, а потому одинаково пригодны и „воспитывать преподавая“ и „преподавать воспитывая“. Почему же одно здѣсь (второе) считать явленіемъ закономѣрнымъ, а другое (первое) не правомѣрнымъ?

То правда, что между воспитателемъ и преподавателемъ, въ спеціальному и, того болѣе, абстрактно-теоретическомъ пониманіи этихъ терминовъ, а не живыхъ, ими обозначааемыхъ, лицъ педагоговъ, есть и не малая разница, покоющаяся на различіи между собою самыхъ процессовъ воспитанія и образованія. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи и это различіе, по своимъ существеннымъ основаніямъ, требуетъ не столько раздѣленія и обособленія этихъ нѣсколько различныхъ функцій одного и того же воспитательнаго дѣла, сколько ихъ объединенія и совмѣщенія въ одномъ и томъ же лицѣ.

Сравнивая „воспитателя“ съ „преподавателемъ“, мы находимъ слѣдующее между ними различіе. Общій здравый смыслъ, выражаясь въ традиціи всѣхъ временъ и народовъ, всегда съ понятіемъ преподавателя или учителя соединялъ и соединяетъ мысль о человѣкѣ, *сообщающемъ знанія* другому, ихъ еще не имѣющему: перваго поэтому онъ титулуетъ учителемъ, а послѣд-

няго называетъ ученикомъ, того—учащимъ, а этого—учащимся. Когда мальчика кто-либо учитъ читать, то это не иное что обозначаетъ и означать не можетъ, какъ то, что *учащій* здѣсь сообщаетъ этому мальчику *знанія*, касающіяся видимыхъ знаковъ различныхъ звуковыхъ элементовъ человѣческой рѣчи и ихъ соединеній въ слогахъ и словахъ. Равнымъ образомъ, когда кто-либо преподаетъ „педагогикъ“, то это не иное что значить и означать не можетъ, какъ то, что *преподающій* здѣсь сообщаетъ слушателямъ *систему знаній*, относящихся къ воспитательному дѣлу. Словомъ, передача знаній, какой-бы области познаваемого они ни касались, это типическая форма и существенное содержаніе дѣятельности учителя и преподавателя. Правда, эта дѣятельность можетъ различаться, въ каждомъ опредѣленномъ случаѣ, въ отдѣльныхъ видахъ своего примѣненія; но это различіе будетъ состоять не въ существѣ дѣла, а въ побочныхъ обстоятельствахъ, насколько оно будетъ зависѣть отъ различія въ самыхъ предметахъ преподаванія, на которые она направлена, и въ методахъ и формахъ, посредствомъ которыхъ она осуществляется въ сферѣ сообщенія данныхъ знаній о данномъ предметѣ. Но въ существѣ дѣла, во всѣхъ многообразныхъ случаяхъ своего проявленія, дѣятельность преподаванія остается тождественною, себѣ самой равною, именно какъ дѣятельность *сообщенія знаній*, какого бы рода и характера они ни были. Эта тождественность процесса преподаванія, эта общность существеннаго его признака въсь его видамъ—на ступеняхъ элементарнаго, средняго и высшаго образованія, давая въ видовыхъ отличіяхъ того, другаго и третьяго основаніе къ различенію между „учителями“, „преподавателями“ и „профессорами“, въ то же время красною нитью проходитъ чрезъ ихъ дѣятельность, сообщая ей единство, которое можно выразить въ понятіи „наставника“.—Въ параллельномъ изображеніи личности „воспитателя“ мы получаемъ слѣдующій его обликъ. Если преподаватель есть лицо, сообщающее знанія и въ этомъ смыслѣ обученіе-образованіе ума есть функція его дѣятельности; то очевидно, что онъ функционируетъ въ тѣсной области двухчастнаго существа чловѣка,—только въ области его

интеллекта. При этомъ само собою разумѣется, что преподаватель можетъ *прямо* исключить изъ сферы своей дѣятельности работу въ области физической природы воспитываемаго, а также и въ той области психической его природы, которая не есть интеллектъ и которая носитъ названіе нравственной (волевой) и эстетической (сердечной) сторонъ человѣческаго духа. Такимъ образомъ, мы видимъ, что преподаватель въ строгомъ смыслѣ этого слова, замыкаясь въ тѣсныя рамки одного интеллектуальнаго развитія въ своемъ дѣлѣ, работаетъ только надъ однимъ умомъ своего пациента, сообщая ему извѣстнаго рода знанія. Воспитатель же не замыкается въ своей дѣятельности относительно питомца въ тѣсныя границы одного умственнаго развитія (образованія), а захватываетъ всю психическую природу человѣка, т. е., помимо интеллекта, воля и сердце воспитанника также прямые объекты его дѣятельности, какъ и умъ. А такъ такъ благотворное дѣйствіе на всю душу можетъ быть оказано не иначе, какъ при содѣйствіи воспособляющаго воспитателю благотворнаго вліянія тѣла на душу питомца, то воспитатель, какъ подтверждается это ежедневнымъ опытомъ, заботится въ должныхъ границахъ и о физическомъ развитіи питомца, насколько отъ него требуется это формулою *mens sana in corpore sano*. Словомъ, воспитатель функционируетъ въ области всего двухчастнаго существа человѣка, одинаково относясь ко всемъ главнымъ проявленіямъ жизни человѣка по тѣлу и по душѣ. Ясно, такимъ образомъ, что воспитатель и его дѣятельность (область ея) такъ относятся къ преподавателю и области его дѣятельности, какъ родъ къ виду: воспитатель формируетъ, образовываетъ всего человѣка, а преподаватель только одинъ интеллектъ въ человѣкѣ; воспитатель отвѣтственное лицо за всю послѣдующую жизнь питомца, а преподаватель за одни его убѣжденія.

Такое различіе между воспитателемъ и преподавателемъ основывается, въ свою очередь, какъ замѣчено уже объ этомъ выше, на различіи ихъ функцій—воспитанія и обученія. Чѣмъ же послѣднія различаются между собою? Вопросъ этотъ далеко не праздный и возбуждается интересами далеко не одной полноты

дѣла, а тѣмъ болѣе—не одной только иллюстраціи его: и по сіе время во многихъ умахъ господствуетъ такая же путаница относительно настоящаго смысла и значенія понятій—воспитанія и образованія, какая замѣтна и въ самомъ словоупотребленіи, часто смѣшивающемъ ихъ между собою, а иногда даже поставляющемъ одно изъ нихъ на мѣсто другаго совершенно произвольно. Такъ, въ свое время прославившійся Яснополянской педагогъ, гр. Толстой, слѣдующимъ образомъ различаетъ воспитаніе и образованіе. „Воспитаніе,—говоритъ онъ,—есть *принудительное*, насильственное воздѣйствіе одного лица на другое съ цѣлю образовать такого человѣка, который намъ кажется хорошимъ; а образованіе есть *свободное* отношеніе людей, имѣющее своимъ основаніемъ потребность одного пріобрѣтать свѣдѣнія, а другаго—сообщать уже пріобрѣтенныя имъ. Различіе воспитанія отъ образованія только въ насиліи, право на которое признаетъ за собою воспитаніе. Воспитаніе есть образованіе насильственное; образованіе же свободно“.—Всякій нѣсколько мыслящій человѣкъ, конечно, тотчасъ видитъ, что такое различіе воспитанія и образованія основывается на ложномъ воззрѣніи. Видя, какъ большинство воспитываетъ своихъ дѣтей, можно, конечно, придти къ такому заключенію, что если подобное „воздѣйствіе“ называется воспитаніемъ, то оно дѣйствительно, въ существѣ своемъ, есть нѣчто принудительное, насильственное, навязываемое совнѣ безъ наличія вызывающихъ его первоосновъ въ воспитываемомъ. Но даже просто здравомыслящій человѣкъ, а не только „педагогъ“, называетъ подобное рутинное воздѣйствіе одного на другаго въ нѣкоемъ сюда относящемся процессѣ—„дрессировкой“, а не воспитаніемъ. А что истинное, существу дѣла соответствующее, различіе воспитанія и образованія не состоитъ въ признакѣ свободы втораго, отрицаемомъ въ его принадлежности, по мнѣнію Яснополянскаго педагога, первому и имѣеть болѣе глубокія основанія въ самомъ существѣ этихъ процессовъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ уже то значеніе и смыслъ этихъ терминовъ, въ какихъ они употребляются въ обыкновенномъ разговорномъ языкѣ, такъ что и общій здравый смыслъ, не

говоря уже о людях науки, въ данномъ случаѣ на сторонѣ противниковъ гр. Толстого. А „гласъ народа—гласъ Божій“,— скажемъ мы Яснополянскому педагогу. И подлинно такъ. Въ обществѣ говорятъ, напр., о физическомъ и нравственномъ воспитаніи; выраженія же „физическое и нравственное образование“ не приняты. Наоборотъ, говорятъ: „научное и специальное образование“, но никто не присоединяетъ этихъ эпитетовъ къ понятію „воспитанія“. И весьма понятно, почему: образование, по самому этимологическому значенію этого термина, обозначаетъ собою „формированіе“, т. е., приведеніе въ опредѣленный видъ безформеннаго матеріала, составленіе изъ него преднамѣченнаго образа, присоединеніе къ матеріалу желательной формы, какъ нѣкоего новаго элемента, котораго прежде въ немъ самомъ не было. Поэтому неудобно было бы говорить о физическомъ и нравственномъ образованіи: „фисисъ“ (природа физическая человѣка) и „нравъ“ свойственны человѣку, въ немъ самомъ даны отъ рожденія; ихъ можно только развивать и воспитывать, приучая къ тому или другому направленію дѣйствования; даны они человѣку и есть въ немъ не въ смыслѣ только способностей и возможностей, но и въ видѣ опредѣленныхъ по содержанію задатковъ и зародышей, которые требуютъ только своего разчлененія и раскрытія, чтобы получить форму и видъ ясно различаемыхъ въ жизни тѣлесныхъ предрасположеній и нравственныхъ устоевъ дѣятельности человѣка. Напротивъ, совершенно понятно, почему говорятъ: „научное и специальное образование“. Науки, искусства и ремесла не прирождены человѣку, они приобрѣтаются имъ и усовершенствованіе въ нихъ, какъ такихъ, будетъ, очевидно, образованіемъ, а не воспитаніемъ. Такимъ образомъ по этому понятію о воспитаніи и образованіи различіе между ними состоитъ въ томъ, что воспитаніе имѣетъ дѣло съ природою человѣка, развивая и усовершая то, что въ ней есть въ состояніи зародыша, а образованіе, въ тѣсномъ смыслѣ слова, внѣдряетъ въ человѣка то, чего въ немъ нѣтъ: въ немъ, въ этомъ отношеніи, есть только способности, въ смыслѣ возможностей, и нѣтъ никакихъ знаній, какъ знаній. А такъ какъ въ

человѣкъ не образованномъ есть все общечеловѣческое и нѣтъ только многоразличныхъ знаній и умѣній, то очевидно, что образованіе извнѣ насаждаетъ въ умѣ человѣка нѣчто такое, чего въ немъ прежде не было; а въ умѣ, кромѣ умопредставленій знаній ничего и быть не можетъ; слѣдов., образованіе, имѣя дѣло съ знаніями и съ умомъ, поэтому самому тѣмъ и отличается отъ воспитанія, что послѣднее, не ограничиваясь одною этою—интеллектуальною областію, имѣетъ своимъ предметомъ развитие всего двухъчастнаго существа человѣка. Вотъ въ чемъ состоитъ истинное различіе воспитанія отъ образованія, а не въ томъ, въ чемъ полагаетъ таковое между ними гр. Толстой. Образованіе въ тѣсномъ смыслѣ слова, повторяемъ, имѣетъ своимъ объектомъ только знанія и умѣнія; многосторонне образованный человѣкъ—это тотъ, кто много знаетъ,—человѣкъ многознающій. Въ этомъ смыслѣ слова и понимается такъ называемое матеріальное образованіе, полагающее всю свою цѣль въ накопленіи возможно большаго количества знаній, безотносительно къ тому, какое направленіе получить этотъ „мѣшокъ“ знаній и какое изъ него кто сдѣлаетъ употребленіе. И только формальное образованіе, умѣряющее собою пылъ приверженцевъ перваго, въ состояніи сообщить образованію воспитывающій характеръ, ибо только въ цѣляхъ такого образованія лежитъ забота не столько о количествѣ сообщаемыхъ знаній, сколько о ихъ качествѣ,—о той ихъ внутренней цѣнности, во имя и вслѣдствіе которой они нормально-развивающимъ образомъ вліяютъ вообще на интеллектъ познающаго, сообщая ему добрыя привычки при распознаніи всякаго послѣдующаго матеріала, какой бы ни встрѣтился на жизненномъ пути познающаго. Но въ этомъ второмъ смыслѣ образованіе едвали можно трактовать въ смыслѣ свободнаго отношенія людей, имѣющаго своимъ основаніемъ потребность одного въ приобрѣтеніи знаній, а другого въ сообщеніи ихъ нуждающемуся. Слишкомъ комерческимъ характеромъ отличалось бы такого сорта образованіе и ему, какъ такому, едвали было бы мѣсто въ наукѣ „педагогика“. Въ смыслѣ же воспитывающаго обученія образованіе раздѣляетъ всѣ существенные признаки

воспитанія (въ области интеллекта), и если послѣднее, какъ воздѣйствіе зрѣлаго на несовершеннолѣтняго съ опредѣленною, разумѣется, доброю цѣлюю осуществляемое, не чуждо и признака нѣкоей принудительности, въ смыслѣ настойчивости въ примѣненіи воспитательныхъ правилъ, формъ и частныхъ пріемовъ, то признакъ этотъ вполне присущъ и образованію, заботящемуся не о „мѣшкѣ“ со знаніями, а человѣкѣ истинно образованномъ. Проповѣдывать послѣ этого, какъ дѣлаютъ сіе съ легкой руки гр. Толстого его слѣпые послѣдователи, и говорить, что человѣка нужно „какъ можно болѣе образовывать и какъ можно менѣе воспитывать“,—значить, по меньшей мѣрѣ, идти на буксирѣ не оправдываемаго наукой авторитета, хотя бы-то и гр. Толстого, и въ разрѣзъ съ истинно научными принципами воспитанія и образованія, а по большей—посѣвать плевелы на добромъ селѣ образованія и воспитанія,—плевелы, которыхъ и безъ того много всѣяно самозваннымъ наставникомъ русскаго народа. Говорящіе и пишущіе такъ адепты толстовщины, очевидно, ставятъ, въ лучшемъ случаѣ, слово *образованіе* на мѣсто слова *воспитаніе*, усвоивъ послѣднему значеніе *дрессировки*. Но кто же не видитъ царящаго въ этой путаницѣ понятій хитраго обмана и лукаваго произвола, дабы чрезъ второй легче было достигнуть перваго и въ мутной водѣ ловить рыбу, приговаривая: „ловись рыбка,—и большая, и малая“.

На основаніи высказаннаго и выставленнаго нами объективнаго различія между дѣятельностями воспитанія и образованія, воспитателя и преподавателя, съ самой глубокой древности и до настоящаго времени ихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже раздѣляютъ, въ практическомъ ихъ примѣненіи, между отдѣльными лицами, однимъ ввѣряя дѣло воспитанія, а другимъ трудъ обученія—образованія. И это раздѣленіе нашло себѣ права гражданства какъ въ воспитаніи—обученіи семейномъ, такъ и въ школьномъ. Спросите любого „аристократа“ и даже просто „буржуа“, что такое гувернеръ и гувернантка въ ихъ отличіи отъ домашняго учителя и учительницы, и вы получите отвѣтъ, что обязанность первыхъ присматривать за дѣтьми и съ этою

цѣлю быть при нихъ неотлучно, указывая, что, гдѣ и какъ нужно дѣлать и поступать, а обязанность вторыхъ только учить тому или другому предмету. И дѣйствительно, домашніе наставники, какими ихъ знаетъ практика подлежащихъ „домовъ“, только учатъ своихъ паціентовъ различнымъ предметамъ и все вліяніе первыхъ на вторыхъ ограничивается только сообщеніемъ имъ знаній. Домашній наставникъ, лишь только онъ ступитъ за порогъ классной комнаты, уже не отвѣчаетъ въ разсужденіи своего ученика ни за какія его дѣйствія: на это есть,—говоритъ онъ вслѣдъ за родителями своего ученика,—губернеръ. Вгляните на внутренній бытъ нашихъ высшихъ, среднихъ и даже отчасти и низшихъ учебныхъ заведеній, особенно женскихъ, и вы убѣдитесь, что и въ школѣ эти двѣ дѣятельности не только различаются, но и раздѣляются, насколько здѣсь есть свой персоналъ учителей и свой комплектъ воспитателей и воспитательницъ. Въ духовныхъ семинаріяхъ, напр., рядомъ съ личнымъ составомъ преподавателей функционируетъ и институтъ инспекторовъ и ихъ помощниковъ, которые, въ отличіи отъ преподавателей, титулуются, обыкновенно, почетнымъ именемъ воспитателей. Правда, здѣсь каждому преподавателю рекомандуется быть вмѣстѣ съ тѣмъ и воспитателемъ, посредственно—черезъ дисциплину преподаванія и непосредственно черезъ воспитательную дисциплину—вліяя на учениковъ; по крайней мѣрѣ во время урока преподаватель—полный хозяинъ класса и всего, что въ немъ, и отвѣчаетъ не только за знанія и успѣхи учениковъ, но и за ихъ поведеніе; слѣдов., онъ до нѣкоторой степени совмѣщаетъ въ себѣ и обязанности преподавателя, и функціи воспитателя. За то въ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, и закрытыхъ и открытыхъ, это раздѣленіе преподавателей и воспитательницъ послѣдовательно проведено до конца: здѣсь даже во время урока преподаватель не имѣетъ права сдѣлать ни одного замѣчанія воспитанницъ относительно ея поведенія,—для этого даже и тутъ, на урокъ, присутствуетъ „классная дама“ и своими взглядами и жестами обращаетъ на себя вниманіе больше, чѣмъ въ какой мѣрѣ оно со стороны воспитанницъ должно быть обращено въ эту сторону на урокъ препода-

вателя.—Словомъ, тамъ (въ семейномъ воспитаніи) и здѣсь (въ школѣ) мы видимъ полное раздѣленіе труда: одни воспитываютъ, другіе учатъ. Но спрашивается, должно ли быть и на самомъ дѣлѣ такое раздѣленіе въ существѣ дѣла одного и того же труда воспитанія—воспитывающаго обученія и обучающаго воспитанія?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мы должны обратить вниманіе прежде всего на тотъ фактъ въ воспитательномъ дѣлѣ, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ существуетъ и принято такое раздѣленіе труда между воспитателями и учителями, оно не проведено послѣдовательно до конца,—какъ бы сіе надлежало сдѣлать въ случаѣ состоятельности самаго принципа такого раздѣленія,—кромѣ женскихъ учебныхъ заведеній съ преподавателями за неимѣніемъ учительницъ, гдѣ послѣдовательность этого раздѣленія имѣть для себя основанія не столько въ строгомъ и точномъ различіи данныхъ дѣятельностей въ себѣ, сколько въ побочныхъ обстоятельствахъ, заключающихся здѣсь во взаимоотноеніи, въ дѣлѣ преподаванія, лицъ разнаго пола. Что это такъ, видно изъ того, что въ тѣхъ женскихъ, напр., гимназіяхъ, гдѣ имѣются свои наставницы, онѣ являются вмѣстѣ съ тѣмъ и классными дамами—воспитательницами, т. е., въ своемъ лицѣ совмѣщаютъ дѣятельности преподаванія и воспитанія. А относительно мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній прямо нужно замѣтить, что здѣсь, напр., „классные наставники“, на обязанности которыхъ лежитъ попеченіе объ успѣхахъ, суть вмѣстѣ и воспитатели учениковъ своего класса. Преподаватели, не состоящіе классными наставниками (институтъ которыхъ существуетъ и въ нѣкоторыхъ духовн. семинаріяхъ), тѣмъ не менѣе суть въ то же время и воспитатели, потому что отъ нихъ прямо требуется воспитательное вліяніе на учениковъ, и ими самими чувствуется и сознается, что хотя они и не такъ близко стоятъ въ отношеніи учениковъ, какъ лица спеціально инспекторскаго надзора, но что ихъ дѣятельность, ихъ жизнь и вообще вся ихъ личность служатъ могучимъ факторомъ въ дѣлѣ воспитанія учениковъ,—даже болѣе могучимъ, чѣмъ личность помощника инспектора, взятаго внѣ выдающихся особенностей его ума и воли, какими доселѣ по большей части

бывали *de facto* помощники инспекторовъ.—Еще въ большей степени и мѣрѣ совмѣстимость обязанностей учителя и воспитателя наблюдается въ нашихъ духовныхъ училищахъ. Здѣсь, а тѣмъ болѣе въ остальныхъ, напр., въ городскихъ училищахъ, учителя суть вмѣстѣ и воспитатели, а „надзиратели“ въ духовныхъ училищахъ—только помощники учителей по воспитательной, а индѣ и по учебной части.—О чемъ же свидѣлствуетъ этотъ повсюдный фактъ воспитательной практики, показывающій, что нигдѣ, собственно говоря, раздѣленіе воспитательной и преподавательской дѣятельности не проведено послѣдовательно до конца, не смотря на основанія къ тому, имѣющіяся въ самомъ различіи воспитанія и обученія? Не о чемъ иномъ, конечно, какъ о томъ, что эти двѣ дѣятельности *могутъ* быть совмѣстимы въ одномъ лицѣ. Это такое само по себѣ очевидное положеніе, что не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ: будь эти дѣятельности по самому существу своему взаимно-исключающими одна другую, тогда ни въ коемъ разѣ онѣ не могли бы мирно жить въ одномъ и томъ же лицѣ; тогда нельзя даже было бы говорить о преобладаніи одной изъ нихъ надъ другой въ немъ, а прямо нужно было бы сознаться, что всякій преподаватель *eo ipso* не можетъ быть воспитателемъ и наоборотъ,—какъ это слѣдуетъ съ точки зрѣнія на воспитаніе и образованіе гр. Толстого. Если же дѣйствительность показываетъ намъ, что преподаватель *всегда* есть и воспитатель и наоборотъ, то очевидно, что эти дѣятельности, при всемъ своемъ различіи, совмѣстимы въ одномъ лицѣ. Гдѣ же правомѣрные основанія этой фактической совмѣстимости двухъ данныхъ дѣятельностей? Быть можетъ это явленіе въ педагогической практикѣ столь же случайно и смѣшно, какъ смѣшны у Крылова пирожникъ, тачающій сапоги, и сапожникъ, валяющій пироги? Нѣтъ, пирогъ и сапогъ понятія диспаратныя; воспитаніе же и обученіе—понятія подчиненныя и потому родственныя. Воспитатель развиваетъ всего человѣка, а преподаватель—умъ его,—въ противномъ случаѣ онъ не заслуживалъ бы и имени преподавателя; слѣдов., онъ тотъ же воспитатель только ближайшимъ образомъ въ отношеніи одного ума, а не

всего человѣка. Но разъ онъ воспитатель въ отношеніи ума, уже ему ничто не мѣшаетъ быть таковымъ и въ другихъ отношеніяхъ—въ разсужденіи своего воспитанника. Здѣсь нѣтъ ничего случайнаго, а тѣмъ болѣе—смѣшнаго, какъ и въ томъ, что столяръ весьма легко и естественно, будучи сначала простымъ плотникомъ, можетъ быть имъ и при столярномъ своемъ ремеслѣ.—Итакъ, фактическое совмѣщеніе въ одномъ лицѣ дѣятельности воспитателя и преподавателя, очевидно, имѣетъ для себя глубокія основанія въ самомъ существѣ и существенныхъ свойствахъ той и другой дѣятельности, по которымъ это совмѣщеніе, оказываясь фактомъ, является вмѣстѣ и въ признаковъ *правомѣрнаго* факта.

Основываясь на сродствѣ преподавательской и воспитательной дѣятельности, попытаемся пойти далѣе и доказать, что эти двѣ дѣятельности не только *возможно* совмѣстимы и въ *дѣйствительности* являются таковыми, но что онѣ *необходимо* должны быть совмѣщены всегда и вездѣ въ одномъ лицѣ. Хотя соединеніе категорій возможности и дѣйствительности само по себѣ даетъ третью высшую категорію необходимости, но мы, не полагаясь на силу одной логики и діалектики, а тѣмъ болѣе въ виду наблюдаемаго въ современной педагогической практикѣ явленія, противоположнаго этому принципу, а между тѣмъ не лишеннаго своихъ причинъ, намѣрены представить рядъ доказательствъ этой мысли, убѣдительныхъ и для противниковъ этого принципа, ратующихъ за „какъ можно побольше образованія и какъ можно меньше воспитанія“.—И прежде всего обратимъ вниманіе на тотъ фактъ, что въ самой наукѣ педагогики есть такое направленіе, которое,—принимая во вниманіе чрезвычайныя затрудненія, съ какими соединено бываетъ воспитаніе, какъ искусство подчасъ измѣнять весь строй душевной жизни воспитываемаго субъекта, вторгаясь въ самыя внутреннія сокровенныя движенія духа, образуя и преобразуя его силы,—доказываетъ необходимость замѣны всѣхъ воспитательныхъ мѣръ одною, именно—обученіемъ и которое все воспитаніе сводитъ на обученіе. Не касаясь научной состоятельности этого взгляда на воспитаніе, какъ на обученіе „(Наука воспитанія“ *Бэна*), и смотря на это направ-

леніе въ педагогикѣ просто какъ на фактъ, мы выводимъ изъ него положеніе: если воспитаніе есть обученіе, то всякій преподаватель необходимо есть воспитатель; слѣдов., дѣятельности преподаванія и воспитанія *необходимо должны быть* соединены въ одномъ лицѣ, насколько одинъ лишь преподаватель долженъ быть воспитателемъ. Не принимая этого взгляда безъ оговорокъ, мы все-таки должны замѣтить, что, слѣд., въ самой наукѣ есть мнѣніе о необходимости совмѣщенія функцій воспитанія и преподаванія въ одномъ лицѣ. Теперь попытаемся, при помощи фактическихъ данныхъ изъ педагогической практики, перевести это мнѣніе на степень истины и принять его съ должными оговорками.

Двумя путями можно доказывать *необходимость совмѣстимости дѣятельности воспитателя и преподавателя въ одномъ лицѣ*: чрезъ доказательство той мысли, что обученіе не можетъ обойтись безъ воспитанія и той, что воспитаніе не мыслимо безъ обученія. Какъ внутренне соединенные процессы, воспитаніе и образованіе и въ дѣйствительности, при своемъ осуществленіи въ соотвѣтствующихъ пріемахъ и формахъ, методахъ и направленіяхъ, необходимо требуютъ единства производящаго ихъ дѣятеля,—единства личности воспитателя и преподавателя, какъ педагога въ высшемъ значеніи этого слова.

Первая мысль имѣетъ за себя слѣдующія основанія. Во-первыхъ, всѣмъ и каждому извѣстно, что разумъ есть „царь въ головѣ“ и что образованіе разума есть существеннѣйшее дѣло воспитанія. Этому царю подчиняются и исполняютъ его велѣнія, такъ сказать, его министры—всѣ остальные силы и способности души, а чрезъ нихъ—и тѣла. Естественное дѣло ожидать послѣ этого, что все общество душевной жизни человѣка приметъ именно то направленіе, въ какомъ заблагоразсудитъ вести его по пути прогресса политика „царя“. Оставляя въ сторонѣ образы и метафоры и выражаясь языкомъ логическихъ понятій, мы должны сказать, что въ силу тѣснаго взаимодѣйствія и зависимости другъ отъ друга всѣхъ силъ существа человѣческаго, развитіе одной изъ нихъ,—будетъ ли то разумъ, или другая какая способность,—не можетъ соотвѣтствующимъ образомъ не

влиять на другую, ближайшимъ образомъ къ ней примыкающую и на ней основывающуюся въ своей дѣятельности. *Разумъ*, какъ способность умопредставленій, лежитъ въ основѣ нашей сознательной практичешкой дѣятельности, представляя *волю* достаточныя основанія—мотивы къ принятію ею того или другого рѣшенія, той или другой дѣятельности; *разумная воля* потому именно такова, что не рѣшится дѣйствовать вопреки указаніямъ—убѣжденіямъ разума,—слово и дѣло съ такой волей человѣка никогда не расходятся и второе всегда есть плодъ убѣжденности его въ истинности руководящихъ имъ разумныхъ началъ.—Представленія и стремленія, понятія и желанія, идеи и хотѣнія, входя въ соотношеніе между собою, данною своею встрѣчею въ самосознательномъ духѣ, поражаютъ такія или иныя *чувствованія*; послѣднія—не одинаковаго достоинства и служатъ показателемъ вѣрнаго или испорченнаго вкуса. Зависятъ же это отъ того, что *чувствованія* по своему происхожденію и направленію, по характеру и тону находятся въ естественной и необходимой обусловленности со стороны умственнаго и нравственнаго образованія. Если мы сравнимъ нѣсколько человѣкъ между собою, стоящихъ на различной степени образованія, то увидимъ, что различіе ихъ по сердцу вообще нисколько не меньше различія по образованію и что качества послѣдняго отражаются, какъ въ зеркалѣ, въ сердцахъ.—Ясно, что для всего человѣка вовсе безразлично, для послѣдующей его жизнедѣятельности, какое развитіе и направленіе получилъ его разумъ при обученіи. Всестороннее умственное развитіе, цѣльное и гармоническое образованіе необходимо пробуждаетъ и преобразовываетъ множество интересовъ, желаній и чувствованій. При перемѣнѣ привычнаго образа мыслей, а тѣмъ болѣе при коренной ломкѣ убѣжденій человѣкъ обыкновенно испытываетъ значительную перемѣну во всемъ своемъ существѣ,—перерождается нерѣдко до неузнаваемости въ немъ прежняго его „я“. Что съ продолженіемъ умственнаго развитія и большею частію въ зависимости отъ него, интересы измѣняются, одни чувствованія и желанія ослабѣваютъ и отчасти даже дѣлаются невозможными, между тѣмъ какъ другія въ то же время вновь воз-

никаютъ, а инныя усиливаются въ своей интенсивности,—все это такъ ясно обнаруживается въ каждомъ человѣкѣ, на различныхъ ступеняхъ его жизненнаго восхожденія отъ силы въ силу, что нѣтъ нужды долго останавливаться на относящихся сюда явленіяхъ внѣшняго и внутренняго опыта. Итакъ, если обученіе—образованіе не односторонне, а идетъ мѣрнымъ путемъ и совершается въ правильныхъ процессахъ воспріятія, усвоенія и переработки, чередуясь въ преобладающихъ моментахъ формальнаго и матеріальнаго развитія и вообще дѣйствуя гармонически въ области разумнія; то такое образованіе, развивая главнымъ образомъ интеллектуальную сторону существа духа человѣческаго, его умопредставленія, содѣйствуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ развитію воли и чувства, т. е., дѣйствуетъ на ученика воспитательно. Съ другой стороны, и самые предметы обученія служатъ важными и многосторонними воспитательными средствами. Чистое ученіе нашей религіи указываетъ ученикамъ высочайшую цѣль жизни, сообщаетъ имъ чистѣйшія правила нравственной дѣятельности и благороднѣйшія побужденія къ ней. Изученіе отечественной исторіи развиваетъ въ учащихся чувство патріотизма. Знакомство съ другими школьными предметами, напр., съ логикой и математикой, укрѣпляя слабый умъ учениковъ, пріучаетъ ихъ къ послѣдовательности и основательности, а съ тѣмъ вмѣстѣ и къ обдуманности во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. Самая форма преподаванія далеко небезразлична въ воспитательномъ отношеніи и будучи разумною формою, она есть лучшее воспитательное средство къ развитію сообразительности, самостоятельности и другихъ добрыхъ навыковъ.—Но не столько посредствомъ самаго обученія, по его содержанію и формѣ, сколько непосредственно своимъ личнымъ примѣромъ всякій преподаватель такъ или иначе воспитываетъ своихъ учениковъ. Для послѣднихъ далеко небезразлично, въ воспитательномъ отношеніи, то обстоятельство, каковъ въ нравственномъ отношеніи ихъ преподаватель: исполняетъ ли онъ свои обязанности какъ артистъ, съ любовію преданный своему дѣлу, или какъ ремесленникъ, смотрящій на свою преподавательскую карьеру, какъ на источникъ своего бюджета,

какъ на средство заработать для себя кусокъ хлѣба;—справедливъ ли онъ въ отношеніи ко всѣмъ своимъ ученикамъ, или къ нѣкоторымъ—дѣтямъ видныхъ и извѣстныхъ родителей, имѣеть пристрастіе;—веселаго ли, или желчнаго онъ характера;—вѣжливо ли, или грубо обращается съ своими учениками;—прилично ли, или нерадиво одѣвается и т. д. Дѣтскую душу въ отношеніи ея впечатлительности весьма основательно нѣкоторые сравниваютъ съ воскомъ; какъ на воскѣ легко и удобно отпечатлѣваются всякія формы, такъ равнымъ образомъ поступки взрослыхъ людей, находящихся въ близкихъ отношеніяхъ къ дѣтямъ, оказываютъ на нихъ неотразимое вліяніе.—Все сказанное до сихъ поръ о томъ, что обученіе не можетъ обойтись безъ воспитанія, можетъ быть выражено въ формулѣ: *воспитаніе есть необходимый результатъ обученія*, слѣдующій за нимъ *посредственно*, когда развитіе ума соотвѣтствующимъ образомъ вліяетъ на другія способности духа, и *непосредственно* когда личный примѣръ преподавателя увлекаетъ юную дѣтскую душу къ подражательной, столь ей свойственной, дѣятельности.

Но кромѣ этого есть и другая сторона въ дѣлѣ семъ: воспитаніе, по крайней мѣрѣ въ формѣ нѣкоторыхъ воспитательныхъ мѣрѣ и дѣйствій со стороны учителя или преподавателя, является необходимымъ *условіемъ, предшествующимъ* и овозможивающимъ самое обученіе, безъ котораго послѣднее не мыслимо не только съ успѣхомъ, но и просто—вести. Въ самомъ дѣлѣ, чтобы преподавателю можно было съ нѣкоторымъ успѣхомъ начать и продолжать дѣло съ учениками, ему предстоить крайняя необходимость подчинить ихъ хотя бы то чисто внѣшней классной дисциплинѣ и расположить ихъ къ точному соблюденію оной во все время обученія. Это относится, правда, къ низшей школѣ, въ которую школьники являясь впервые, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не отличаютъ правой руки отъ лѣвой, не говоря уже о томъ, что всѣ они не знаютъ, когда и какъ сѣсть, встать, выдти изъ класса, держать себя при посѣщеніи урока сторонними лицами и т. п. Кромѣ того, во время самаго хода обученія они склонны и имъ ничего не стоитъ нарушить тишину и порядокъ въ классѣ

и вообще теряютъ вниманіе и разсѣянно зѣваютъ по сторонамъ, Но вѣдь и контингентъ учащихся въ средней школѣ состоитъ не изъ окрѣпшихъ еще натуръ: нѣчто изъ перечисленнаго на каждомъ шагу повторяется и здѣсь. Въ виду всего этого преподаватель, для самой возможности обученія, поставляется въ необходимость предложить ученикамъ элементарныя требованія по крайней мѣрѣ классной дисциплины и затѣмъ употреблять просьбы, приказанія, предостереженія, увѣщанія, похвалы и награды, порицанія и наказанія,—коротко—все элементарныя формы воспитательнаго вліянія, при разумномъ примѣненіи которыхъ только и можно держать классъ въ порядкѣ, столь необходимомъ для преподаванія. Какъ ни хорошо и ни заманчиво правило гуманной педагогики—поддерживать въ классѣ вниманіе учениковъ не внѣшними въ отношеніи къ самому процессу преподаванія средствами, а внутренними—живостію, новизною и другими прекрасными качествами отлично-умѣлаго преподаванія, —изложенія и передачи уроковъ, но знакомый съ дѣломъ обученія не въ теоріи только, но и практически, долженъ здѣсь согласиться съ нами въ томъ, что ученики-то все таки не ангелы и что поэтому, за невозможностію въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствовать на нихъ прямыми положительными средствами въ направленіи поддержанія вниманія ихъ во время урока, на нихъ волей-неволей зачастую приходится вліять, въ-данномъ случаѣ, преподавателю мѣрами отрицательными и косвенными. И вотъ преподаватель, продѣлывающій съ своими учениками во время урока внѣшніе приемы классной дисциплины, чрезъ это самое является непосредственно и воспитателемъ, поставляя эту послѣднюю свою роль въ качествѣ условія, дѣлающаго возможною его чисто преподавательскую дѣятельность. А что эта на первыхъ порахъ чисто *внѣшняя* дисциплина не удержится въ этомъ своемъ элементѣ и рано или поздно перейдетъ во *внутреннее* образованіе и преобразованіе прирожденныхъ качествъ характера и темперамента, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія.—Такимъ образомъ, въ параллель выведенной выше формулы о воспитаніи, какъ слѣдствіи обученія—образованія, мы здѣсь можемъ, въ качествѣ вывода изъ только-

что сказаннаго, поставить другую формулу: *воспитаніе есть необходимое условіе обученія*, въ началѣ предшествующее, а затѣмъ сопутствующее послѣднему во всѣхъ его благихъ начинаніяхъ.

Итакъ, подлинно всякій преподаватель есть вмѣстѣ и воспитатель, насколько воспитаніе является, съ одной стороны, необходимымъ *результатомъ* обученія, а съ другой—требуется послѣднимъ какъ необходимое его *условіе*; вѣрно и то, что всякій преподаватель воспитываетъ своихъ учениковъ—*посредственно*, чрезъ образованіе ума дѣйствуя на развитіе и прочихъ силъ и способностей, и *непосредственно*—своимъ личнымъ примѣромъ и сообщаемыми ученикамъ свѣдѣніями какъ изъ предметовъ преподаванія, такъ и изъ кодекса правилъ дисциплины, въ томъ и другомъ случаѣ—и *содержаніемъ* и *формой* преподаванія.

Столь ясная мысль о необходимости соединенія воспитанія и обученія въ однихъ рукахъ и въ одномъ лицѣ становится еще болѣе очевидною и привлекаетъ къ себѣ наши симпатіи, когда подвергается освѣщенію съ другой стороны, съ которой дѣлается виднымъ, что какъ обученіе не можетъ обойтись безъ воспитанія, такъ и второе, въ чистомъ своемъ элементѣ, не существуетъ, а осуществляется лишь въ той степени и мѣрѣ, въ какихъ достигается полная внутренне-генетическая связность его съ успѣхами обученія—образованія, ибо только здѣсь, въ образованіи, дана естественная плодотворная почва для успѣшнаго роста и чисто воспитательнаго дѣла. Оно также не мыслимо безъ обученія, какъ и это безъ него. Аргументація этой второй мысли, освѣщающей дѣло съ другой стороны, проста и несложна. Отношеніе между воспитаніемъ и обученіемъ, какъ понятіями подчиненными, состоитъ въ томъ именно, что воспитаніе, какъ понятіе подчиняющее по отношенію къ обученію, заключаетъ послѣднее въ своемъ объемѣ, какъ ему подчиненное и относится къ нему какъ цѣлое къ одной изъ своихъ частей. Поэтому, если родовое понятіе воспитанія, входя всѣмъ своимъ содержаніемъ въ содержаніе вида,—въ обученіе,—дѣлаетъ невозможнымъ обученіе безъ воспитанія; то, наоборотъ, и воспитаніе, какъ цѣлое, очевидно не можетъ существовать внѣ своихъ частей, въ частности не можетъ существовать

и осуществляться безъ обученія. Очевидно, что воспитаніе безъ обученія было бы неполнымъ, невсестороннимъ и негармоническимъ развитіемъ личности, потому что тогда все развитіе человѣка совершалось бы на счетъ ума и въ ущербъ, слѣдов., существеннѣйшимъ интересамъ жаждущаго воспитанія человѣчества; въ такомъ случаѣ произошло бы чрезмѣрное обогащеніе, такъ сказать, провинцій въ социальномъ цѣломъ человѣческой личности за счетъ центра и оскуднѣніе послѣдняго, этого царя въ головѣ. Такое неполное, невсестороннее и негармоническое воспитаніе, каковымъ оно необходимо должно было бы быть въ изолированномъ отъ образованія видѣ, было бы жалкою пародіею воспитанія, его карикатурою, коверканіемъ человѣческой природы, ея членовредительствомъ и всѣмъ, чѣмъ хотите, только не воспитаніемъ въ истинномъ значеніи послѣдняго. Ясно, что воспитаніе, чтобы сохранить за собою это значеніе, необходимо должно быть обучающимъ,—подобно тому какъ и обученіе, чтобы быть образованіемъ, должно быть воспитывающимъ. И дѣйствительно, нельзя воспитывать, не обучая. Возьмемъ самую благопріятную, для отдѣляющихъ воспитаніе отъ обученія, воспитательную мѣру—нѣмой примѣръ воспитателя, которому, предполагается, питомцы слѣдуютъ и чрезъ то и только чрезъ это воспитываются. Но и здѣсь нужно замѣтить, что примѣръ воспитателя нѣмъ только въ отношеніи его самага, но ничуть не въ отношеніи подражающихъ ему воспитанниковъ: для нихъ онъ краснорѣчивѣе всякихъ ораторскихъ рѣчей *говоритъ*, что и какъ нужно дѣлать сообразно съ *видѣннымъ* примѣромъ. А видѣть и чрезъ этотъ актъ чувственаго созерцанія познать, что и какъ въ данномъ случаѣ нужно дѣлать, значить—изъ примѣра *научиться* тому или другому дѣйствию, тому или другому поведенію. Правда, примѣръ дѣйствуетъ на воспитанниковъ и воспринимается ими какъ бы безсознательно; но именно только *какъ бы*, а не на самомъ дѣлѣ безсознательно, потому что въ противномъ случаѣ мы должны были бы отказаться дѣйствовать примѣромъ на людей взрослыхъ, сознаніе которыхъ развито до такой степени, что они не иначе воспринимаютъ, какъ все—въ свѣтѣ сознанія и его различающей дѣятельности, а также

должны были бы отказать примѣру въ его претензіи дѣйствовать и на дѣтей, потому что и они, какъ люди, только послѣ сознанія что-либо узнаютъ и сообразно съ узнаннымъ дѣйствуютъ. Только ихъ сознаніе и ихъ познаніе отличается тою дѣтскою непосредственностію, по силѣ которой каждое явленіе, ими наблюдаемое, сознается и познается въ своемъ значеніи часто въ темной его всеобщности; но все-таки сознается и познается, въ противномъ случаѣ невозможно было бы объяснить и ихъ подражательной дѣятельности, въ ея происхоженіи, силѣ и значеніи. И подлинно, какъ ни недоступны намъ акты дѣтскаго распознаванія,—ибо въ сознательной своей личной жизни мы не имѣемъ никакой имъ аналогіи въ нашемъ духѣ,—какъ ни ускользаютъ отъ нашего наблюденія эти акты, но что они *есть и происходятъ* въ дѣтскѣмъ сознаніи,—объ этомъ свидѣтельствуютъ послѣдствія дѣйствія воспитательнымъ на дѣтей примѣромъ. Процессы отношенія, раздѣленія отождествленія и различенія, характеризующіе собою акты мысли, несомнѣнно происходятъ и у дѣтей при воспріятіи и усвоеніи примѣра; слѣдов., и они дѣйствуютъ при всемъ этомъ своимъ маленькимъ *умомъ*, упражняя его надъ даннымъ матеріаломъ и потомъ развивая его и *образуя*. Итакъ, и при воспитаніи дѣтей однимъ примѣромъ мы имѣемъ дѣло съ обученіемъ и образованіемъ, или, точнѣе говоря, дѣлаемъ дѣло воспитанія чрезъ обученіе, насколько это послѣднее обозначаетъ собою сообщеніе однимъ и воспріятіе и усвоеніе другимъ какихъ бы то ни было знаній и въ какой бы формѣ они ни передавались.—Но главное здѣсь то, что воспитательныя мѣры далеко не исчерпываются воздѣйствіемъ на воспитываемаго чрезъ примѣръ. Имѣя въ виду другія, высшія воспитательныя средства, которыя только вспомошествоются примѣромъ, но которыя,—какъ увѣщаніе, предостереженіе, угроза и под.,—требуютъ отъ воспитателя примѣненія къ дѣлу опредѣленія, разъясненія, доказательствъ, нужно сознаться, что воспитывать не обучая нѣтъ никакой возможности: вѣдь воспитательная мѣра, на словахъ переданная ученику, не перейдетъ прямо въ его волю, психологія не знаетъ такого непосредственнаго соотношенія между словами и дѣйствіями воли, Слова, какъ знаки понятій, должны напе-

редъ быть понятыми нашимъ умомъ, чтобы уже отсюда воздѣйствовать на нашу волю. Слѣдовательно, всѣ воспитательныя средства, воздѣйствующія на воспитанниковъ чрезъ слово воспитателя, предполагаютъ совершившимся относительно ихъ самихъ процессъ познанія, а относительно ученика и воспитателя—процессъ обученія. Далѣе; никакое воспитаніе не обходится безъ изученія предметовъ и наукъ, искусствъ и ремесль; всѣ воспитательныя приемы и способы практикуются, обыкновенно, на почвѣ обученія чему-либо изъ этого, и трудно, если не совершенно невозможно, найти такой образчикъ воспитанія, въ которомъ послѣднее совершалось бы не на почвѣ обученія чему бы то ни было. И это на томъ простомъ основаніи, что воспитаніе, само по себѣ, какъ извѣстный процессъ оформленія, является дѣятельностію надъ созиданіемъ формы; но какъ форма не существуетъ *in re* (а не въ геометріи, напр.) въ чистомъ своемъ видѣ, въ отвлеченіи отъ всякаго опредѣленнаго содержанія; такъ точно и дѣятельность воспитателя, какъ работа надъ формою, не можетъ существовать и быть благоуспѣшною, если въ данномъ случаѣ, какъ и вездѣ, къ формѣ не присоединится какое-либо содержаніе, которое, оживляя и одухотворяя собою пустую форму, дало бы возможность какъ воспитателю, такъ и воспитаннику не томиться этимъ процессомъ и не искать выхода изъ него въ какомъ-либо стороннемъ занятіи-развлеченіи, а наоборотъ, дѣятельно и съ напряженіемъ силъ стремиться къ возможно полному его осуществленію. Какое же содержаніе всего приличнѣе сообщить этой работѣ надъ формою? Очевидно, что обученіе всего пригоднѣе воспитанію и потому имѣть полное право служить матеріальною основою воспитанія.

Будучи *необходимымъ условіемъ воспитанія*, обученіе есть вмѣстѣ *необходимый результатъ* воспитанія,—въ томъ именно случаѣ, когда воспитаніе имѣетъ своимъ предметомъ дисциплину ума. Здѣсь оно уже прямо переходитъ въ обученіе. Развивать и и воспитывать умъ, какъ центральную способность человѣческой личности, можно не иначе, какъ упражняя умъ въ свойственной ему работѣ и чрезъ это формуя его надлежащимъ образомъ по преднамѣченной идеѣ закономѣрнаго развитія. Это единственный

способъ умственнаго воспитанія. А какъ можно и должно упражнять умъ? Не иначе, какъ чрезъ доставленіе для его дѣятельности соотвѣтствующаго матеріала, работая надъ которымъ онъ приводитъ бы въ своего рода движеніе всѣ частныя свои органы: память, воображеніе, рефлексію и обстракцію мысли въ составленіи понятій, сужденій и умозаключеній,—въ научныхъ опредѣленіяхъ, раздѣленіяхъ и доказательствахъ. Только работая во всѣхъ этихъ направленіяхъ надъ даннымъ матеріаломъ, т. е., только изучая что-либо, умъ и можетъ развиваться, воспитываться въ мѣру возраста, соотвѣтствующую положенію его, какъ царя въ головѣ. Такимъ образомъ, сообщать воспитанникамъ програмныя свѣдѣнія знанія, въ опредѣленной мѣрѣ, постепенности, послѣдовательности и формѣ—значить, упражняя умъ, воспитывать его. Слѣдовательно, если *воспитаніе* не можетъ игнорировать ума, то, поставляя его ближайшимъ своимъ объектомъ, оно *необходимымъ своимъ результатомъ имѣетъ обученіе, образованіе*. Итакъ, повторяемъ, всякое воспитаніе есть вмѣстѣ необходимо и обученіе, и всякій воспитатель есть вмѣстѣ необходимо и преподаватель.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Каедр. протоіерей Н. Бунинъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Требуется **учитель** въ школу села Березовки Балтскаго уѣзда, знающій и могущій преподавать церковное пѣніе и руководить хоромъ. Жалованья—300 руб. при квартирѣ съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, причемъ отъ священника еще предлагается столъ за занятія съ восьмилѣтнею дѣвочкой.

Учителю, знающему основательно пѣніе,

предлагается мѣсто при церковно-приходской школѣ с. Журавнаго Винницкаго уѣзда. Жалованья 336 руб. въ годъ при школьной квартирѣ и столѣ у завѣдывающаго школою—священника. Письменно обращаться: Уладовка, Подольской губ. завѣдывающему школою с. Журавнаго священнику Θεодоту Лашкову.

3—2.

На 17-е число м. августа сего года въ с. *Млиновкѣ* Могилевскаго уѣзда, въ квартирѣ священника, назначены **торги**, безъ переторжки, **на постройку новой деревянной церкви** въ томъ селѣ. Желаящіе приглашаются явиться съ залогомъ и документами, удостовѣряющими личность и правоспособность производить названную постройку.

3—2.

Въ Архіерейской хорѣ

принимаются въ пѣвчіе мальчики, имѣющіе голосъ и слухъ, на полное содержаніе или на жалованье.

Содержаніе: 1) Пятая заповѣдь Церковная.—2) Изъ записокъ бывшаго преподавателя семинаріи. (По поводу предоставленнаго новымъ закономъ помощникамъ инспекторовъ въ семинаріяхъ права преподаванія уроковъ). Каедральнаго протоіерея *Н. Бунина*.—3) Объявленія.

Редакторъ протоіерей **Евфимій Сѣдинскій**.

Цензоръ протоіерей **Илія Лебедевъ**.
